

Опубликовано: Дмитриев М.В. «Православная конфессионализация» в Восточной Европе во второй половине XVI века? // Дрогобицкий краєзнавчий збірник. Вип. XVI. Дрогобич: Коло, 2012. С. 133-152

Дмитриев М. В.

«Православная конфессионализация» в Восточной Европе во второй половине XVI века?¹

В настоящей статье речь пойдет о вопросе, который до недавнего времени редко поднимался в исследованиях, а именно: какую роль *конфессиональная специфика* византийско-православных традиций сыграла (или – может быть, сыграла) в эволюции православной культуры Восточной Европы в зрелое средневековье и в начале Нового времени²? В частности, важно понять, во-

¹В данной научной работе использованы результаты проекта «Восток и Запад Европы в Средние века и раннее Новое время: общее историко-культурное пространство, региональное своеобразие и динамика взаимодействия», выполненного в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2012 году.

² Этот вопрос возник в 1981-1984 гг. в ходе работы на кандидатской диссертацией, посвященной проникновению протестантизма в православную среду Речи Посполитой во второй половине 16-го – первой половине 17-го века (Дмитриев М.В. Реформационные движения в восточнославянских землях Речи Посполитой во второй половине XVI - первой половине XVII вв. Диссертация, представленная на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М.: МГУ, 1984 [часть диссертации была позднее переработана в книгу: Дмитриев М.В. Православие и Реформация. Реформационные движения в восточнославянских землях Речи Посполитой во второй половине XVI века. М. : Изд-во МГУ, 1990]). Позднее он постоянно сопровождал работу спецсеминара на Историческом факультете МГУ, а в начале 1990-х годов стал частью международного проекта «*Влияние православия и западного христианства на общества: сравнительный подход*» (осуществляется ЦУБ Исторического факультета МГУ при поддержке Дома наук о человеке [Париж] и ряда других российских и зарубежных партнеров). См.: Дмитриев М. В. Влияние православия и западного христианства на общество. // Вопросы истории, 1997. N 12. С. 3-19; информация о результатах проекта доступна на сайте ЦУБа: www.hist.msu.ru/Labs/UkrBel. Опубликованные в ходе осуществления проекта книги: *Moines et monastères dans les sociétés de rite grec et latin*. Études publiées par J.-L. Lemaître, M. Dmitriev et P. Gonneau. Genève: Librairie Droz, 1996; *Fonctions sociales et politiques du culte des saints dans les sociétés de rite grec et latin au Moyen Age et à l'époque moderne. Approche comparative*. Sous la dir. de M. Derwich et M. Dmitriev. Wrocław: LARHCOR, 1999; *Les Chrétiens et les Juifs dans les sociétés de rite grec et latin, Moyen Âge - XXe siècle. Approche comparative*. Sous la dir. de M. Dmitriev et D. Tollet. Paris: Honoré Champion, 2003; *La frontière entre les chrétientés grecque et latine au XVIIIème siècle. De la Lithuanie à l'Ukraine subcarpathique* (= XVIIIème siècle, 2003, N 3, Juillet-Septembre 2003, 55ème année); *Être catholique, être orthodoxe, être protestant. Confessions et identités culturelles en Europe médiévale et moderne*. Etudes réunies et publiées par Marek Derwich et Mikhaïl V. Dmitriev. Wrocław: LARHCOR, 2003; *Религиозные и этнические традиции в формировании национальных идентичностей в Европе. Средние века – новое время*. Под ред. М.В. Дмитриева / *Religion et ethnicité dans la formation des identités nationales en Europe. Moyen Âge – époque moderne*. Sous la dir. de Mikhaïl V. Dmitriev M.:

первых, насколько конфессионально-специфические особенности византийской православной традиции усваивались и «переживались» православной культурой восточнославянских земель? Во-вторых, насколько в православной культуре Восточной Европы второй половины 16-го века – 17 вв. усиливалось воздействие этих конфессионально-специфических начал на разные стороны понимания религиозных и не-религиозных вопросов.

Конфессиональная специфика православных и западнохристианских традиций – как становится всё более и более ясно – не сводится к вопросу о *filioque*, причастии под одним или двумя видами, проблеме celibата, квасного и пресного хлеба, папы как викария Христа и другим ясно выраженным параметрам. Есть и менее очевидные, но очень весомые особенности – и в области христианской эпистемологии, и в эсхатологии, и в сотериологии, и в экклезиологии, и в представлениях об отношении церкви с государством. Эта большая научная тема была представлена уже в русских дореволюционных публикациях³. Однако доступ к ним в советское время был очень затруднен. После революции и гражданской войны эта же проблематика постоянно звучала в русских эмиграционных публикациях⁴. С другой стороны, она была полно

Индрик, 2008; *Христиане и евреи в православных обществах Восточной Европы. Средние века – новое время*. Под ред. М.В. Дмитриева / *Les Chrétiens et les Juifs dans les sociétés orthodoxes de l'Europe de l'Est. Moyen Âge – époque moderne*. Sous la dir. de Mikhaïl V. Dmitriev. Moscou : « Indrik », 2011.

³ Например: Сергей (Страгородский), архимандрит. Православное учение о спасении. Опыт раскрытия нравственно-субъективной стороны спасения на основании Св. Писания и творений свято-отеческих. Казань, 1898; Тареев М. М. Уничужение Господа нашего Иисуса Христа. М., 1901; Зарин С. Аскетизм по православно-христианскому учению. Т. 1. Кн. 1-2. Спб., 1907; Тареев М. М. Христос. Основы христианства. Т. 1. Сергиев Посад, 1908; Попов И.В. Идея обожения в древневосточной церкви. М., 1909; Успенский Ф.П. Основной характер греко-восточного православия. Казань, 1911. Замечательным введением в ту же проблематику, но как бы с противоположной стороны служит книга Л.П. Карсавина - Карсавин Л.П. Католичество. Пг.: Огни, 1918 (есть переиздания).

⁴ Например: Арсеньев Н. Православие. Католичество. Протестантизм. Париж, 1948; Арсеньев Н. Православная Церковь и Западное Христианство. Часть 1. Православие и католичество. Варшава, 1929; Булгаков С.Н. Православие. Очерки учения православной церкви. Paris, 1985 (переиздание); Глубоковский Н.Н. Русская богословская наука в ее историческом развитии и новейшем состоянии. Варшава, 1928; Евдокимов П. Православие. М., 2002 (переиздание); Карсавин Л.П. О сущности православия // Проблемы русского религиозного сознания. Берлин, 1924 (переиздано в: Карсавин Л.П. Сочинения. М., 1993. С. 359-402); Киприан (Керн). Антропология Св. Григория Паламы. Москва: Паломник, 1996 (переиздание); Лосский В.Н. Очерк мистического богословия Восточной церкви. Догматическое богословие. М., 1991; Керн А. Золотой век святоотеческой письменности. Жизнь и учение восточных отцов IV века. Париж: YMCA-PRESS, б. г.; Флоровский Г.В. Восточные отцы церкви IV века. М., 1992 (переиздание); Флоровский Г.В. Восточные отцы церкви V - VIII веков. М., 1992 (переиздание); Флоровский Г.В. Пути русского богословия. Париж, 1983 (первое издание: Париж, 1937).

отражена в западных трудах, особенно – в немецких⁵. Но в СССР вплоть до 1990-х годов вопрос о конфессиональной специфике византийско-славянского православия ставился лишь в редких исследованиях, подававших данную тему, по понятным причинам, как бы «из-под полы»⁶. Однако была более или менее доступна западная литература, а предприняв специальные усилия, в Москве и Ленинграде можно было добраться до революционных изданий. В редких случаях доступ в спецхраны позволял познакомиться и с эмиграционной литературой по данному вопросу. В последние годы ситуация кардинально изменилась, и в нашем

См. также: Православие: pro et contra. Осмысление роли Православия в судьбе России со стороны деятелей русской культуры и Церкви СПб.: Изд-во РХГИ, 2001.

⁵ Например: Arseniew A. Ostkirche und Mystik. München, 1943; Beck H-G. Die Byzantiner und ihr Jenseits. Zur Entstehungsgeschichte einer Mentalität. München, 1979; Benz E. Geist und Leben der Ostkirche. München, 1971; Benz E. Menschenwürde und Menschenrecht in der Geistesgeschichte der Ostkirche // Die Ostkirche und die russische Christenheit. Hrsg. von E. Benz. Tübingen, 1949; Handbuch der Ostkirchenkunde. Bd. 1-2. Düsseldorf, 1984-89; Heiler F. Urkirche und Ostkirche. München, 1937; Klostermann R. A. Probleme der Ostkirche. Göteborg, 1955; Müller-Armack A. Zur Religionssoziologie des europäischen Ostens // Weltwirtschaftliches Archiv, 61 (1945). S. 163-191; Orthodox-Evangelisches Symposium über die Lehre vom Menschen // Evangelische Theologie, 1952, Januar-Februar, Hefte 7/8; Zankow St. Die orthodoxe Kirche des Ostens in ökumenischer Sicht. Zürich, 1946; Zankow St. Das orthodoxe Christentum des Ostens, sein Wesen und seine gegenwärtige Gestalt. Berlin, 1928; Zenkovsky B. Das Bild vom Menschen in der Ostkirche. Stuttgart, 1951. Помогала в этом и иная западная литература, например: Bobrinsky V. La Communion du Saint-Esprit. Ed. de Bellefontaine, 1992; Clement O. Le Christ, Terre des vivants. Ed. de Bellefontaine, 1975; Clement O. Questions sur l'homme. Paris, 1972; Clement O. Sources. Paris, 1993; Congar Y. Chrétiens déunis. Principes d'un "oecuménisme" catholique. Paris, 1937; Congar Y. L'ecclésiologie du Haut Moyen-Age. De Saint Grégoire le Grand à la désunion entre Byzance et Rome. Paris: CERF, 1968; Congar Y. Neuf cents ans après. Notes sur le "schisme oriental". Chevetogne, 1954; Sartorius B. L'Eglise Orthodoxe. Paris, 1968; Ware K. Approches de Dieu dans la tradition orthodoxe. Paris, 1982; Dalmais I.-H. Divinisation. Patristique grecque // Dictionnaire de la spiritualité. T. 3. Paris, 1957. Col. 1376 -1389; Eastern Orthodox Theology. A Contemporary reader. Ed. by D.B. Clendenin. Baker Books, 1995; Evdokimov P. L'Orthodoxie. Paris: Desclée, 1965; Fattal M., Pour un nouveau langage de la raison. Convergences entre l'Orient et l'Occident. Paris: Beauchesne, 1987; Frost F. Orthodoxie // Catholicisme. Hier, aujourd'hui, demain. T. X, Paris, 1985, col. 286-303; Geanakoplos D. J. Byzantine East and Latin West: Two Worlds of Christendom in Middle Ages and Renaissance. Studies in Ecclesiastical and Cultural History. Oxford, 1966; Gross J. La divinisation du chrétien d'après les Pères grecs. Paris, 1938; Henry P. Kénose // Supplément au Dictionnaire de la Bible. T. 5. Ed. par L. Pirot, A. Robert, H. Caselles. A. Feuillet. Paris, 1957. Col. 7-161; Janin R., Les Eglises orientales et les rites orientaux. Paris, 1925; Jugie M. Le schisme byzantin. Aperçu historique et doctrinal. Paris 1941; Lossky V. The Mystical Theology of the Eastern Church. London, 1957; Malvy A. Les divergences dogmatiques entre l'Eglise Romaine et l'Eglise orthodoxe gréco-slave // Nouvelle Revue théologique, 51 (1924). P. 321-332, 400-425; Meyendorff J. Byzantine Theology. Historical Trends and Doctrinal Themes. New York: Fordham University Press, 1974; Reinhardt W., Die lateinische Variante von Religion und ihre Bedeutung für die politische Kultur Europas. Ein Versuch in historischer Anthropologie // Saeculum 43 (1992); Sherrard Ph. The Greek East and the Latin West. A study in the Christian Tradition. London, 1959; Tennant F.P. The Sources of the Doctrines of the Fall and Original Sin. New York: Schoecken Books, 1968 (первое издание: 1903); Ware K. Approches de Dieu dans la tradition orthodoxe. Paris, 1982. Совершенно особняком стоит беспрецедентный труд М. Жюжи: Jugie M. Theologia dogmatica christianorum orientalium ab Ecclesia catholica dissidentium. Vol. 1-5. Paris, 1926-1935 (3546 p.!).

распоряжении отныне не только переиздания старых книг, все фонды зарубежных библиотек, но и ряд фундаментальных, компетентных и авторитетных новых изданий на русском языке⁷. Таким образом, в историографию и современный научный обиход вернулась тема, которая стала разрабатываться ещё в конце 19-го - начале 20-го века и российскими историками (особенно – историками церкви и вероучительных доктрин), и историками христианства на Западе (главным образом, в связи с развитием патристических и византийских исследований).

В целом, сегодня мы очень хорошо осведомлены о том, какова была конфессиональная специфика нормативных религиозных традиций, пришедших на Русь из Византии⁸. Однако, конечно же, бесспорно, что дистанция между нормативным церковным учением и повседневной христианской культурой – в истории, «какой она была на самом деле» - очень велика, и поэтому вопрос о том, что же происходило в сознании большинства прихожан чаще всего пока приходится оставлять в стороне, обращаясь лишь к тем текстам, который имели целью формировать это сознание «сверху».

Говоря же о гипотетической «православной конфессионализации» на востоке Европы во второй половине 16-го века, я имею в виду аналог и параллель феномену конфессионализации на протестантском и католическом Западе в раннее новое время. В последние 30 лет родилось мощное течение в историографии, описывающее и анализирующее этот феномен⁹.

⁶ Например: Аверинцев С.С. Православие // Философская энциклопедия. Т.4. М., 1967; Каждан А.П. Византийская культура X - XII вв. М., 1970; Литаврин Г.Г. Как жили византийцы. М., 1974; Мейендорф И. О византийском исихазме и его роли в культурном и историческом развитии Восточной Европы в XIV веке // Труды отдела древнерусской литературы, XXIX (1974). С. 291-306; Медведев И.П. Византийский гуманизм XIV-XV веков. Л., 1975; Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. М.: 1975; Философия эпохи ранних буржуазных революций. М., 1983; Аверинцев С. С., Византийская риторика // Проблемы литературной теории в Византии и латинском средневековье. М., 1986.

⁷ Иларион (Алфеев). Таинство веры. Введение в православное догматическое богословие. М.: 1996 (и ряд переизданий); Иларион (Алфеев). Православие. Т. 1-2. М., 2008-2009; Козлов М. Огицкий Д.П. Западное христианство: взгляд с Востока. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2009; Сидоров А. И. Курс патрологии. Возникновение церковной письменности. М., 1996; Столяров А.А. Патрология и патристика. М.: Канон, 2001.

⁸ Применительно к задачам проекта «Влияние православия и западного христианства на общества» см.: Дмитриев М.В. Человек Православный и Homo Catholicus // Интеллектуальный форум, № 9, май 2002 г. С. 63-87.

⁹ Некоторые сведения о конфессионализации и об её историографии конфессионализации отражены и на сайте Центра украинистики и белорусистики МГУ (www.hist.msu.ru/Labs/UkrBel). Этот раздел нашего сайта появился в результате осуществления в 2008-2011 научно-образовательного проекта «Христианство, ислам, иудаизм в истории и Европы» (информация на том же сайте [-www.hist.msu.ru/Labs/UkrBel](http://www.hist.msu.ru/Labs/UkrBel)).

Под конфессионализацией понимается, во-первых, становление и развитие специфически конфессиональных дискурсов, специфически конфессиональных институтов и специфически конфессионального самосознания в протестантских и католических культурах нового времени (эти процессы описываются как первая и базовая стадия конфессионализации - *Konfessionsbildung*); во-вторых, новый симбиоз церковных и государственных инстанций, религиозной и светской политики, процессы, механизмы и институты совместного воздействия церковно-конфессиональных и государственно-конфессиональных институтов и факторов на социальную, политическую, культурную, экономическую жизнь католических и протестантских обществ Европы в раннее Новое время. В своем совокупном эффекте конфессионализация противостоит процессам секуляризации и оказывается – тем не менее! - важнейшим аспектом и перехода к модерности, и самого генезиса новоевропейской цивилизации.

Само понятие конфессионализации (а точнее – «формирования конфессий», *Konfessionsbildung*) было введено в научный оборот Е. В. Цееденом в 1950-е годы для обозначения некоторых процессов в религиозной жизни Германии в 16-17 вв. Под *Konfessionsbildung* понималось взаимное идейное, территориальное, организационное обособление христианских конфессий, сложившихся в ходе борьбы Реформации и Контрреформации, во второй половине XVI - первой половины XVII вв. Е. В. Цееден определил «формирование конфессий», как «религиозно-интеллектуальное и организационное затвердевание различных противоборствующих со времен религиозного раскола христианских конфессий в относительно стабильные (в том, что касается догматики, права и религиозно-нравственных установок) церковные структуры. Одновременно это и их расширение в христианском мире Европы Нового времени; и их огораживание от вмешательству извне при помощи политических и дипломатических средств; но одновременно это и их формирование внецерковными силами, особенно же – принудительным государственным вмешательством»¹⁰.

¹⁰ Zeeden E.W. Grundlagen und Wege der Konfessionsbildung in Deutschland im Zeitalter der Glaubenskämpfe // Historische Zeitschrift, 185 (1958). S. 251-252 („Unter Konfessionsbildung sei also verstanden: die geistige und organisatorische Verfestigung der seit der Glaubenspaltung auseinanderstrebenden christlichen Bekenntnisse zu einem halbwegs stabilen Kirchentum nach Dogma, Verfassung und religiös-sittlicher Lebensform. Zugleich ihr Ausgreifen in die christliche Welt des frühneuzeitlichen Europa; ihre Abschirmung gegen Einbrüche von aussen mit den Mitteln der Diplomatie und Polik; aber auch ihre Gestaltung durch ausserkirchliche Kräfte, insonderheit die Staatsgewalt“).

В понимании Цеедена *Konfessionsbildung* - феномен собственно религиозно-церковной истории, тенденция развития внутри той или иной ветви христианской церкви. Другие историки позднее обнаружили и описали связь между внутрицерковными процессами и развитием политических, социальных, культурных и даже экономических структур обществ Западной и Центральной Европы. Как пишет В. Райнхард, ставший вместе с Х. Шиллингом зачинателем нового историографического направления, он и Шиллинг, независимо друг от друга пришли к тезису, что в явлении, описанном Зееденом, можно видеть не только характерную черту церковной истории, но и общественный процесс, который играл фундаментальную роль в социальной истории Нового времени¹¹. Они стали писать не о “формировании конфессий” (*Konfessionsbildung*), а “конфессионализации” (*Konfessionalisierung*), понимая под ней масштабный общественно-исторический процесс, продолжавшийся около двухсот лет и не бывший ни синхронным в разных регионах Европы, ни однородным¹². В качестве двух хронологических вех в истории конфессионализации в Центральной Европе предлагалось принятие *Confessio Augustana* в 1530 г. и изгнание протестантов из Зальцбурга в 1730 г. Хронологически важны не только эти два точки отсчета (1530-е годы), но и цезура 1570-х - 1580-х годов. В это время, приблизительно на рубеже 1570-х и 1580-х годов, закончился период более или менее мирного сосуществования христианских конфессий, началась “конфессиональная поляризация и полоса острых конфликтов и конфронтации»¹³. Символ веры стал фактором, который и крепко объединял, и жестко разделял противоборствующие группы¹⁴.

В последние 30 лет проблематика конфессионализации разрабатывалась вслед за Х. Шиллингом и В. Райнхардом рядом других историков,

¹¹ Reinhard W. Was ist katholische Konfessionalisierung?. S. 420 (“unabhängig voneinander beide auf den Gedanken kamen, Ernst Walther Zeedens “Konfessionsbildung” sozialwissenschaftlich angereichert als “Konfessionalisierung” von einem Vorgang der Kirchengeschichte zu einem sozialgeschichtlichen Fundamentalprozess der Frühneuzeit zu erheben”)

¹² Ibid. S. 435 (“Zunachts meint Konfessionalisierung ja gar kein Zeitalter, sondern einen sozialhistorischen Prozess von circa zweihundertjähriger Dauer, der selbsterständlich weder synchron noch homogen abgelaufen ist”)

¹³ Schilling H. Confessionalization in the Empire: Religious and Societal Change in Germany between 1555 and 1620 // Schilling H. Religion, Political Culture and the Emergence of Early Modern Society. Essays in German and Dutch History. Leiden: Brill, 1992. P. 214.

¹⁴ В начале 17 века, хронист рекаатолицизированного Аахена определял городскую общину как сообщество людей, которых объединяет прежде всего символ веры (“*civium unitatem, non modo quod uno aggere vel vallo circumagatur sed quod eodem velle, eodem nolle, eiusdem fidei symbolo... coalescere*” (цит. по: Schilling H., Confessionalization in the Empire, 234)

преимущественно немецких¹⁵. В российскую историографию эта проблематика впервые была введена в научный оборот коллективной монографией о последствиях Брестской унии¹⁶, публикациями Ю.Е. Ивонина¹⁷, и, позднее, А.Ю. Прокопьева¹⁸.

Сегодня исследователи включают в понятие конфессионализации и в описание сопутствующих ей процессов все социальные, политические и культурные последствия, которые имел “этот охватывающий почти все сферы жизни” феномен¹⁹. Масштабность, глубина и весомость процессов конфессионализации была обусловлена тем, что раннее Новое время оставалось временем, когда религия продолжала оказывать детерминирующее воздействие на большинство сторон общественно жизни. Как пишет Харм Клюетинг, “ в эту эпоху, чье содержание повсюду в Европе продолжало определяться

¹⁵ Обзоры историографии процессов конфессионализации можно найти в ряде публикаций: Reinhard W. Sozialdisziplinierung – Konfessionalisierung - Modernisierung. Ein historiographischer Diskurs // Die Frühe Neuzeit in der Geschichtswissenschaft. Paderborn, 1995; Deventer J. “Confessionalization” – a Useful Theoretical Concept for the Study of Religion, Politics, and Society in Early Modern East-Central Europe? // European Review of History, 11 (2004), № 3. P. 403-425; Lang P. Th. Konfessionsbildung als Forschungsgegenstand // Historisches Jahrbuch, 100 (1980). S. 480-493; Kriegseisen W. Stosunki wyznaniowe w relacjach państwo-kościół między reformacją a oświeceniem (Rzesza Niemiecka – Niemalandy Polnocne – Rzeczpospolita polsko-litewska. W-wa: Semper, 2010; Prinz M., Sozialdisziplinierung und Konfessionalisierung. Neuere Fragestellungen in der Sozialgeschichte der frühen Neuzeit // Herrschaft, Religion und Volk (Westfälische Forschungen 42 [1992]), S. 1-25; Reinhard W. Reformation, Counter-Reformation and the Early Modern State. A Reassessment // Catholic Historical Review 75 (1989). P. 383-404; Schulze W. Konfessionalisierung als Paradigma zur Erforschung des konfessionellen Zeitalters // Drei Konfessionen in einer Region. Beiträge zur Geschichte der Konfessionalisierung im Herzogtum Berg vom 16. bis zum 18. Jahrhundert. Hrsg. von B. Dietz und S. Ehrenpreis. Köln: Rheinland-Verlag, 1999. S. 15-30; Ohlidal A. “Konfessionalisierung”: Ein historisches Paradigma auf dem Weg von der Sozialgeschichte zur Kulturwissenschaft? // Acta Comeniana, 15/16, 2002. P. 327-342.

¹⁶ Дмитриев М.В. Центробежные и центростремительные тенденции в развитии европейского христианства в XVI - XVII вв. // Дмитриев М. В., Флоря Б. Н., Яковенко С. Г. Брестская уния 1596 г. и общественно-политическая борьба на Украине и в Белоруссии в конце XVI - начале XVII вв. Ч. 1. Брестская уния 1596 г. Исторические причины. М.: “Индрик”, 1997. С.26-28

¹⁷ Ивонин Ю.Е. Концепция конфессионализации и Старая Империя в новом историческом прочтении // Ивонин Ю. Е. Универсализм и территориализм. Старая Империя и территориальные государства Германии в раннее Новое время. 1495-1806. Том 1. Москва: РосКонсульт, 2004. С. 20-43 (эту тему Ю.Е. Ивонин поднимал и в ряде своих более ранних работ, уже в 1990-е годы).

¹⁸ Конфессионализация в Западной и Восточной Европе в раннее Новое время. Доклады русско-немецкой научной конференции 14-16 ноября 2000 г. Под ред. А.Ю. Прокопьева. Спб.: Алетейя, 2004; Прокопьев А.Ю. Германия в эпоху религиозного раскола. 1555-1648. СПб: Изд-во СПбГУ, 2008 (см. особенно главу 1, «Постановка проблемы. Что такое конфессиональная эпоха?». С. 6-37).

¹⁹ На этом особенно настаивают, например, Х. Шиллинг и Х. Клюетинг. См.: Klueting H. Das Konfessionelle Zeitalter. 1525-1648. Stuttgart, 1989, S. 18-30 passim; Schilling H. Die Konfessionalisierung im Reich. Religiöser und gesellschaftlicher Wandel in Deutschland zwischen 1555 und 1620 // Historische Zeitschrift, 246 (1988). S. 1-45.

христианством - и по сравнению со Средними веками даже еще более “христианизированную” благодаря Реформации и ее последствиям - присутствие Бога в этом мире, боязнь греха, существование ада и потусторонней жизни оставались само собой разумеющимися основами жизни. Лишь пути, ведущие к снисканию Божьей благодати могли быть предметом спора. Всё несло на себе религиозный отпечаток и все было проникнуто религиозными - и даже более того: конфессиональными - вопросами этого времени”²⁰.

Одним словом, «конфессионализация» как научно-необходимое понятие необходимо именно потому, что в Европе Нового времени церковные, государственные и общественные структуры оставались теснейшим образом связаны, а социальная эволюция Западной Европы (как и культурная, и экономическая) в решающей степени зависела от того факта, что и государство, и церковь, в их совместном и мощном воздействии и на общественную, и на частную жизнь руководствовались в значительной степени конфессиональными императивами. Именно поэтому конфессионализация должна считаться одним из процессов, оказавших детерминирующее воздействие на европейскую историю и на формирование европейской идентичности²¹.

Следует подчеркнуть, что исследования показали ошибочность отождествления феноменом конфессионализации с одним лишь протестантским миром. Есть все основания говорить и о “католической конфессионализации”, которая строилась на приблизительно тех же принципах, что и конфессионализация в протестантском мире, но несла на себе отпечаток своеобразия именно католического, посттридентского понимания христианства²².

Одной из важнейших линий, соединявших конфессию, то есть именно религиозные факторы, имевшие к тому же специфику, свойственной той или иной конфессии, со светской сферой общественной жизни, были процессы так наз. “второй Реформации” и социальной дисциплинаризации. Этими терминами историки стали обозначать “реформацию общественной жизни”, которая во многом стала попыткой применить к политической сфере и сфере повседневности принципов или протестантизма, или католицизма²³.

²⁰ Klueting H. Op. cit. S. 19.

²¹ Schilling H. Confessionalization in the Empire. P. 208-209.

²² Schilling H. The Second Reformation - Problems and Issues // Schilling H. Religion, Political Culture and the Emergence of Early Modern Society. Essays in German and Dutch History. Leiden: Brill, 1992. P. 300; Schilling H. Confessionalization in the Empire. P. 209-210.

²³ Schilling H. The Second Reformation - Problems and Issues. P. 300.

Проведенные исследования привели историков к выводу, что о второй половине 16 - первой половине 17 вв. правильнее говорить как об “эпохе конфессионализации”, а не об эпохе Контрреформации²⁴.

В. Райнхард считает, что модель конфессионализации можно описать рядом измерений²⁵, подчеркивая при этом, что на данном уровне обобщения речь идёт об идеал-типической конструкции²⁶. Истоки конфессионализации связаны с (1) возникновением религиозных инноваций; (2) складыванием нескольких церквей, каждая из которых претендует на право быть единственно истинной; (3) давлением формирующихся в связи с этим конкурентных отношений между церквями и религиозными группами.

За этим следовал ряд трансформационных процессов: (1) выработка ясного конфессионального вероучения с попыткой элиминировать все неясности и противоречия; (2) выработка инструментов внедрения этих вероучительных принципов в сознание верующих и отмежевания от тех, кто оказывается вне данной конфессии; (3) использование ради достижения этих целей пропаганды и цензуры; (4) реорганизация и монополизация системы образования; (5) установление внутрицерковного контроля над верующими ради изоляции и изгнания диссидентов; (6) интенсификация и унификация ритуально-литургических практик; (7) нормирование кодов конфессионально-религиозного дискурса для обособления (на уровне употребляемых понятий и конструкций) от других конфессий.

В ходе этих процессов складывались новые, присущие данной конфессии институты: (1) новые формы организации церковной жизни; (2) конфессионально-специфические образовательные учреждения; (3) конфессионально-специфические органы контроля за жизнью верующих и, соответственно, органы подавления девиантного поведения; (4) институты, обеспечивавшие симбиоз церковных и светских форм управления и контроля.

Целью всего этого представлялось и, в самом деле, стало формирование у верующих “конфессионально-корректного образа жизни и деятельности” (“*konfessionel korrektes Verhalten*”). Непреднамеренными последствиями конфессионализации стали (1) вклад в усиление государственного контроля над

²⁴ Ibid. P. 300-301 Cp.: “möglicherweise verhält sich “Konfessionalisierung” als sozialhistorische Alternative zum traditionellem Paradigma “Gegenreformation” diskursgeschichtlich wie “Sozialdisziplinierung” zu “Absolutismus” (Reinhard W. Was ist katholische Konfessionalisierung? S. 421).

²⁵ См.: Reinhard W. Was ist katholische Konfessionalisierung? S. 426-427.

²⁶ Ibid. S. 426.

общественной и частной жизнью и, как следствие, насилия в «мягких» и «жестких» формах; (2) вклад в процессы модернизации; (3) может быть, и вклад в “аффективно-эмоциональный кризис” Европы (Beitrag zur emotinalen Krise Europas), под которым Райнхардт подразумевает прежде всего феномен “охоты на ведьм”²⁷; (4) возможный вклад в процессы секуляризации Европы.

Такова предложенная Райнхардтом модель конфессионализации “вообще”. В католической же конфессионализации мы находим, разумеется, ряд своеобразных черт. Это (1) прочная и жесткая институализированность религиозной жизни; (2) тесная связь вероучения и религиозной жизни в целом с традицией; (3) наличие “институциональных резервов”; (4) сохранение духовенством статуса сословия; (5) наличие монашества и монашеских орденов; (6) большая роль женщин в процессах конфессионализации; (7) сохранение латыни как литургического языка; (8) интернациональность (космополитичность) католицизма; (9) особые связи государства и церкви; (10) роль миссий и миссионерства в конфессионализации; (11) особые формы «трудовой и народной религиозности» (“Werksfrömmigkeit und Volksfrömmigkeit”)²⁸.

Предвидя возражение о том, что в истории католицизма не было таких революций, которые могли бы положить начало конфессионализации, то есть требовали ли бы построения новой церковно-конфессиональной системы, Райнхардт, беря во внимание фундаментальные перемены в характере католицизма в 16-17 вв., считает возможным видеть в этом “консервативную реформу” (“konservative Reform”)²⁹. При этом он обращает внимание, что многообразие локальных форм католицизма позволяет говорить не только об одной унифицированной католической традиции, но и о многих вариантах католицизма в рамках одной церкви³⁰.

Конечно же, католическая конфессионализация не может не отличаться от протестантской. Самое общее отличие этих процессов в католицизме от аналогичных процессов в протестантской культуре Райнхардт усматривает в том, что в католической конфессионализации “неизбежные инновации адаптировались

²⁷ *Ibid.* S. 434

²⁸ *Ibid.* S. 437-450

²⁹ Reinhard W. Was ist katholische Konfessionalisierung? S. 450-51

³⁰ *Ibid.* S. 438 (“Was aber ist “Katholizismus”? Wir haben uns daran gewohnt, mit diesem Wort eine moderne Konfessionskirche zu bezeichnen... Rudolf Reinhardt hingegen zieht es vor, von einer Pluralitaet von “Katholizismen” in der Kirche zu sprechen” (Reinhard W. Was ist katholische Konfessionalisierung?). В. Райнхардт ссылается на: Reihnardt R. Katholizismus und Katholizismen. Zur Deutung der Kirchengeschichte des 17. und 18. Jahrhunderts // Zeitschrift für Kirchengeschichte 103 (1992).

к уже сложившейся системе намеренно консервативным образом - и именно потому, что католическая церковь сумела представить как добродетель необходимость оставаться «старой церковью» и использовать для нужд конфессионализации прежние институциональные резервы³¹.

Конфессионализация сказалась, как показали исследования, практически на всех областях общественной жизни и едва ли не в первую очередь - на государственно-политической. Тут, с точки зрения процессов интеграции и дезинтеграции, конфессионализация была фактором весьма амбивалентным, как отмечает Х. Шиллинг. С одной стороны, она способствовала сплочению и гомогенизации отдельных сообществ; с другой стороны, она столь же сильно противопоставляла одних другим, и вела, таким образом, к дезинтеграции европейского общества и отдельных «национальных» организмов³². Поэтому политические последствия этих религиозных перемен были очень противоречивыми, и многие военно-политические конфликты Нового времени объясняются, отчасти, и конфессионализацией.

С точки зрения социальной истории, самый важный аспект конфессионализации - её связь с процессами общественной дисциплинаризации, (*Sozialdisziplinierung*), которую определяют как «контроль и регулирование всех областей как общественной, так и частной жизни»³³. В отличие от Х. Шиллинга, который посвящает главное внимание воздействию конфессионализации на формирование новых отношений государства и церкви и на развитие политической сферы вообще, Р. ван Дюльмен и другие историки «социальной дисциплинаризации»³⁴ в центр внимания ставят взаимодействие конфессии и

³¹ Reinhard W. Was ist katholische Konfessionalisierung? S. 419-420.

³² Schilling H. Confessionalization in the Empire. P. 209.

³³ На эту дефиницию «дисциплинаризации» Г. Острайха, который и ввёл это понятие, опирается В. Райнхард (Reinhard W. Was ist katholische Konfessionalisierung? S. 420). См. также: Schulze W. Gerhard Oestreichs Begriff "Sozialdisziplinierung in der frühen Neuzeit" // Zeitschrift für historische Forschung 14 (1987). S. 265-302; Po-chia Hsia R. Social discipline // The Oxford Encyclopedia of the Reformation. Vol. 4. P. 70-76.

³⁴ См.: van Dülmen R. Religion und Gesellschaft. Beiträge zu einer Religionsgeschichte der Neuzeit. Frankfurt a.M., 1989; Verbrechen, Strafen und soziale Kontrolle. Hrsg. von R. van Dülmen (Studien zur historischen Kulturforschung. III). Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 1990; Po-chia Hsia R. Social Discipline in the Reformation: Central Europe 1550-1750. London/New York, 1989. Prinz M. Sozialdisziplinierung und Konfessionalisierung. Neuere Fragestellungen in der Sozialgeschichte der frühen Neuzeit // Herrschaft, Religion und Volk (Westfälische Forschungen 42 [1992]). S. 1-25; Kirchengucht und Sozialdisziplinierung im frühneuzeitlichen Europa (Mit einer Auswahlbibliographie). Hrsg. von H. Schilling. Berlin, 1994 (Zeitschrift für Historische Forschung. Beiheft 16). Аналогичные процессы в России описаны М. Раевым (Raeff M. The Well-Ordered Police State: Social and Institutional Change through Law in the Germanies and Russia, 1600-1800. Yale University Press, 1983; Raeff M. The Role of the Well-Ordered Police State in the Development of Modernity in 17th and 18th-Century Europe: An Attempt at a Comparative approach // Raeff M.

социальных связей, как на микро- так и на макроуровне. При этом долгое время историки дисциплинаризации не видели того, какую роль в дисциплинаризации играла именно религия, и только в 1980-е годы ситуация стала меняться³⁵. Более того, конфессионализация как “универсальный общественно-исторический процесс” (“universales sozialgeschichtliches Prozess”) может быть до известной степени рассмотрена как “один из вариантов социальной дисциплинаризации”. Взаимоотношения высокой и “народной культуры” в контексте социальной дисциплинаризации и модернизации радикально перестроились³⁶, и это - ещё одна фундаментальная сторона перемен, напрямую связанных с религиозными процессами 16-17 вв.

Конфессионализация - в связи с социальной дисциплинаризацией и вне связи с ней - оказала заметное влияние на историю семьи и демографическую историю в целом. В истории ментальностей одним из центральных звеньев, соединяющих конфессионализацию с трансформацией миропонимания и установок поведения, оказываются “чувство вины”, “чувство страха” и “чувство надежды” в жизни индивида и социальной группы. Исследования Ж. Делюмо в этой области стали нормативными и “классическими”³⁷. Можно привести примеры работ, где предпринимаются попытки показать, как конфессионализация сказалась на истории литературы³⁸ и художественного творчества.

Формирование «раннемодерных» наций, национализма, национальных идентичностей тоже могут быть поставлены в связь с процессами конфессионализации³⁹.

Political Ideas and Institutions in Imperial Russia. West View Press, 1994. P. 309-333; Raeff M. Transfiguration and Modernization. The Paradoxes of Social Disciplining, Pedagogical Leadership, and the Enlightenment in 18th Century Russia // Raeff M. Political Ideas and Institutions in Imperial Russia. West View Press. P. 334-347).

³⁵ Reinhard W., Was ist katholische Konfessionalisierung?, 421

³⁶ См.: Venard M. Volksfrömmigkeit und Konfessionalisierung // Die Katolische Konfessionalisierung. Wissenschaftliches Symposium der Gesellschaft zur Herausgabe des Corpus Catholicorum und des Vereins für Reformationsgeschichte 1993. Hrsg. von W. Reinhard und H. Schilling. Gütersloh, 1995 (Schriften des Vereins für Reformationsgeschichte. Bd. 198). S. 258-270; van Dülmen R. Volksfrömmigkeit und konfessionelles Christentum im 16. und 17. Jahrhundert // van Dülmen R. Religion und Gesellschaft. Beiträge zu einer Religionsgeschichte der Neuzeit. Frankfurt a.M., 1989. S. 59-69; Muchembled R. Culture populaire et culture des élites dans la France moderne (XV-XVIII siècles). Essai. Paris, 1978

³⁷ Delumeau J. La peur en Occident (XIVe - XVIIIe siècle). Paris, 1978; Delumeau J. Le péché et la peur: La culpabilisation en Occident, XIII-XVIII siècle P., 1990 (русский перевод: Делюмо Ж. Грех и страх. Формирование чувства вины в цивилизации Запада (XIII-XVIII века). Екатеринбург, 2003). Среди многих других работ на эту тему см., например: Addy J., Sin and Society in the Seventeenth Century. London, 1989

³⁸ Breuer D. Katholische Konfessionalisierung und poetische Freiheit // Die Katolische Konfessionalisierung. Wissenschaftliches Symposium...S. 166-183

Совершенно очевидно также, что конфессионализация, понятая так, как её принято понимать в современной историографии, глубоко воздействовала и на характер многих процессов в современном мире, и в этом отношении конфессионализация может и должна быть рассмотрена в контексте структур и процессов “большой длительности”. В частности, вполне законно предположить, что и процессы дехристианизации (секуляризации) в том контексте, который создан конфессионализацией западного типа, будучи, с одной стороны, отрицанием конфессиональности и “бунтом” против религии, протекали тем не менее так, как они протекали, именно оттого, что протестантская и католическая конфессионализации создали особую модель взаимодействия религиозного и светского, сакрального и профанного в культуре. Иными словами, и становление, и развитие современной секулярной, дехристианизированной культуры несет в себе, судя по всему, глубокую печать своеобразия западнохристианских религиозных традиций.

Во всех этих отношениях конфессионализация вместе с социальным дисциплинированием и рационализацией общественной жизни (которой особенно много внимания посвящал Макс Вебер), составляют прелюдию или начало феномена модернизации⁴⁰.

Таким образом, согласно сложившейся исследовательской парадигме, конфессионализация, взятая во всех своих аспектах и связях с другими аспектами модернизации, играет огромную, едва не центральную роль в формировании цивилизационной идентичности современной Европы.

Однако у теории конфессионализации, разумеется, есть и критики, причем по мере развития этого историографического направления, их становится всё больше⁴¹. В частности, вопрос о приложимости концепта конфессионализации к

³⁹ Schilling H. Nationale Identität und Konfession in der europäischen Neuzeit // Nationale und kulturelle Identität in der europäischen Neuzeit Hrsg. von B. Giesen. Frankfurt, 1991

⁴⁰ Reinhard W. Was ist katholische Konfessionalisierung? S. 421-422 (в определенном смысле, пишет Райнхардт, “Konfessionalisierung bedeutet Modernisierung”).

⁴¹ Neuser W. H., Die Erforschung der “Zweiten Reformation” - eine wissenschaftliche Fehlentwicklung // Die reformierte Konfessionalisierung in Deutschland - das Problem der “Zweiten Reformation”. Wissenschaftliches Symposium des Vereins für Reformationsgeschichte 1985. Hrsg. von H. Schilling Gütersloh, 1986 (Schriften des Vereins für Reformationsgeschichte. Bd. 195). S. 379-386; Schmidt H.R. Konfessionalisierung im 16. Jahrhundert. München: Oldenbourg, 1992; Schmidt H.R., ‘Sozialdisziplinierung? Ein Plädoyer für das Ende des Etatismus in der Konfessionalisierungsforschung’ // Historische Zeitschrift, 265 (1997). S. 639-682; Kaufmann Th. Die Konfessionalisierung von Kirche und Gesellschaft. Sammelbericht über eine Forschungsdebatte // Theologische Literaturzeitung, 121, 1996, cols. 1008-1025, 1112-1121; Ziegler W., Kritisches zur Konfessionalisierungsthese // Konfessionalisierung und Region. Hrsg. von P. Friess und R. Kiessling. Konstanz: Konstanz Universitätsverlag, 1999. P. 41-53; Schmidt H.R. ‘Emden est partout. Vers un modèle interactif de la confessionnalisation’ //

католической и протестантской культуре Речи Посполитой является предметом учёных контроверз⁴².

Как бы то ни было, имея дело с конфессионализацией как феноменом европейской христианской культуры, трудно не поставить вопроса: как соотносится с опытом западноевропейской конфессионализации опыт православных культур, и прежде всего - русской и украинско-белорусской? Более того, поскольку совершенно очевидно, что основа всей методологии изучения конфессионализации - сравнение, возникает и другой вопрос: где найти критерий для взгляда *извне* на процессы западноевропейской конфессионализации, то есть конфессионализации на основе западнохристианских традиций - для *сравнительного* описания процессов, шедших в "латинской" Европе? Не может ли именно византийско-славянский мир сослужить здесь свою службу?

Проблема «православной конфессионализации» в украинско-белорусской истории была поставлена в 1990-е годы в нашей диссертации⁴³ и ряде сопутствующих публикаций⁴⁴. Одновременно эту тему затронул и С.Н. Плохий в

Francia, 26/2, 1999. P. 23-45 ; Schorn-Schütte L. Konfessionalisierung als wissenschaftliches Paradigma? // Konfessionalisierung in Ostmitteleuropa. Wirkungen des religiösen Wandels im 16. und 17. Jahrhundert in Staat, Gesellschaft und Kultur. Edited by J. Bahlcke and A. Strohmeyer. Stuttgart: Franz Steiner, 1999. P. 61-77; Chaix G. La confessionnalisation: Note critique // Bulletin de la Société de l'Histoire du protestantisme français, 148, 2002. P. 851-865; Lehmann H. Grenzen der Erklärungskraft der Konfessionalisierungsthese // Interkonfessionalität – Transkonfessionalität – innerkonfessionelle Pluralität. Hrsg. von K. Greyerz, M. Jakobowski-Tiessen, Th. Kaufmann, H. Lehmann Gütersloh: Gütersloher Verlagshaus, 2003

⁴² Moritz A., Müller H. Pohlig M. Konfesjonalizacja Rzeczypospolitej Szlacheckiej w XVII i XVIII wieku? // Kwartalnik Historyczny. CVIII (2001). S. 37-46); Friedrich K. Konfessionalisierung und politische Ideen in Polen-Litauen (1570-1650) // Konfessionalisierung in Ostmitteleuropa. Wirkungen des religiösen Wandels im 16. und 17. Jahrhundert in Staat, Gesellschaft und Kultur. Edited by J. Bahlcke and A. Strohmeyer. Stuttgart: Franz Steiner, 1999. P. 249-265; Dmitriev M. Die Kirchenunion von Brest (1596) und die Konfessionalisierung der polnischen Ostpolitik in der Regierungszeit Sigismunds III. // Russland, Polen und Österreich in der frühen Neuzeit. Festschrift für Walter Leitsch zum 75. Geburtstag. Hrsg. von Ch. Augustynowicz, A. Kappeler, M.D. Peufuss, I. Schwarcz, M. Wakounig (=Wiener Archiv für die Geschichte des Slawentums und Osteuropas. Bd. XIX). Wien-Köln-Weimar: Böhlau Verlag, 2003. S. 159-177; Bruening A. *Unio non est unitas* - Polen-Litauens Weg im Konfessionellen Zeitalter (1569-1648). Wiesbaden, Harrassowitz, 2008; Kriegseisen W. Stosunki wyznaniowe w relacjach państwokościół między Reformacją a Oświeceniem (Rzesza Niemiecka – Niderlandy Polnocne – Rzeczpospolita polsko-litewska. Warszawa: Semper, 2010.█

⁴³ Дмитриев М. Киевская митрополия во второй половине XVI в. и генезис Брестской церковной унии 1595-1596 гг. Диссертация, представленная на соискание учёной степени доктора исторических наук. Москва: МГУ, 2001. Т. 1-2; Дмитриев М. Киевская митрополия во второй половине XVI в. и генезис Брестской церковной унии 1595-1596 гг. Автореферат диссертации, представленной на соискание учёной степени доктора исторических наук. Москва: МГУ, 2001).

книге о казачестве⁴⁵. А.С. Лавров поставил вопрос о конфессионализации в России петровского и послепетровского времени⁴⁶. Оценку этим историографическим тенденциям дал А. Брюнинг⁴⁷, который и сам обратился к этой проблематике на материале украинско-белорусской истории⁴⁸. Появились работы, ставящие вопрос о конфессионализации в епархиях Греко-Католической церкви⁴⁹.

Соответственно, в контексте европейской историографии вопрос «православной конфессионализации» есть вопрос а) о развитии среди духовенства и в обществе именно специфически православного конфессионального самосознания; б) о взаимодействии конфессиональных мотивов и императивов с политикой, с социальными процессами, с культурой и пр. И хотя сам термин «конфессионализация» сравнительно нов для российской и украинской академической среды, религиозно-общественные процессы 16-17 вв., которые им могли бы быть им описаны, изучаются давно.

В Московской Руси – это сначала «кризис традиции» (выражение Ф. фон Лилиенфельд⁵⁰), поиск путей конфессионального самоопределения и новых форм

⁴⁴ Дмитриев М.В. Между Римом и Царьградом. Генезис Брестской церковной унии 1595-1596 г. М.: Издательство МГУ, 2003. См. также ниже, сн. 67 и 68 (работы о посланиях старца Артемия и украинско-белорусских православных братствах).

⁴⁵ Plokhyy S. *The Cossacks and Religion in Early Modern Ukraine*. Oxford University Press, 2001 (украинский перевод: Плохий Сергій. Наливайкова віра: Козацтво та релігія в ранньомодерній Україні. Київ, 2005).

⁴⁶ Лавров А.С. Колдовство и религия в России. 1700-1740. Москва: «Древлехранилище», 2000. О мерах в отношении колдовства см. также : Смилянская Е.Б. Волшебники. Богохульники. Еретики. Народная религиозность и «духовные преступления» в России XVIII в. Москва: Индрик, 2003. Ср.: Ryan W. *The Bathhouse at Midnight. A Historical Survey of Magic and Divination in Russia*. Pennsylvania University Press, 1999 (русский перевод: Райан В.Ф. Баня в полночь. Исторический обзор магии и гаданий в России. М.: НЛО, 2006).

⁴⁷ Brüning A. *Confessionalization in the Slavia Orthodoxa (Belorussia, Ukraine, Russia)? – potential and Limits of a Western Historiographical Concept // Religion and the Conceptual Boundary in Central and Eastern Europe*. Ed. By Th. Bremer. London: Palgrave, 2008. P 65-96.

⁴⁸ Brüning A. *Unio non est unitas - Polen-Litauens Weg im Konfessionellen Zeitalter (1569-1648)*. Wiesbaden, Harrassowitz, 2008; Brüning A. “Confessio Orthodoxa“ und europäischer Konfessionalismus - einige Anhaltspunkte zur Verhältnisbestimmung // *Russische und ukrainische Geschichte vom 16. bis zum 18. Jahrhundert*. Ed. by R. Crummey, H. Sundhaussen, R. Vulpius. Wiesbaden: Harrassowitz, 2002 (= *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte*, 58). P. 207-221.

⁴⁹ Скочиляс І. Галицька (Львівська) єпархія ХІІ—ХVІІІ століть : організаційна структура та правовий статус. Львів : Вид-во Українського католицького ун-ту, 2010; Wawrzieniuk P. *Confessional Civilising in Ukraine: The Bishop Iosyf Shumliansky and the Introduction of Reforms in the Diocese of Lviv 1668-1708*. Stockholm, 2005; Wawzhenjuk P. *Social Disciplining and Social Control in the L'viv diocese during the Episcopate of Iosyf Shumlians'kyi in the European context // Україна ХVІІ століття: суспільство, філософія, культура: Зб. наук. праць на пошану пам'яті проф. Валерії Михайлівни Нічик / Ред.-упоряд. Л. Довга, Н. Яковенко. Київ, 2005. С. 347 – 366*

⁵⁰ Lilienfeld F.v. *Nil Sorskij und seine Schriften. Die Krise der Tradition im Russland Ivans III*. Berlin, 1963. См. также очень важную работу Г. Шульца: Schulz G. *Die*

церковности уже во второй 15-го века и последующее соперничество «нестяжательской» и «иосифлянской» линий в выработке «истинно православных» идейных парадигм, институтов и политики⁵¹; позднее – споры о «православии» третьей четверти и середины 17-го и порожденные ими драматические конфликты.

В Западной и Юго-Западной Руси (украинско-белорусских землях) – это «православное возрождение» второй половины 16-го века (в частности, всё, что связано с «Острожской академией»), а потом – поиски конфессиональной модели в новых условиях, созданных и Брестской унией, тесными контактами с польской культурой, и взаимодействием с греческо-балканским и московским православием. Характернейшие примеры этих процессов – это деятельность и идеи Ивана Фёдорова и других «первопечатников», А.М. Курбского, старца Артемия, Константина Острожского, Львовского, Виленского и других православных братств, наконец, деятельность «Острожской академии» и круга связанных с нею лиц (Герасима Смотрицкого и многих других). Эти стороны украинско-белорусской культуры хорошо изучены благодаря трудам И. Ауэрбах⁵², М. Б. Боянивской⁵³ Г.Я.

theologiegeschichtliche Stellung des Starzen Artemij innerhalb der Bewegung der Besitzlosen in Russland der ersten Hälfte des 16. Jahrhunderts. Erlangen, 1980 (Oikonomia. Quellen and Studien zur Orthodoxen Theologie. XV). См. также: Nil Sorskij e l'Esicasmio. Atti del II. Convegno ecumenico internazionale di spiritualita russa "Nil Sorskij e l'esicasmio nella storia spirituale e culturale de la Russia". Bose, 21-24 settembre 1994. Magnano, 1995

⁵¹ Этой проблематике посвящена большая историография, обзоры которой давались рядом авторов (Lilienfeld F. v. Josif Volockij und Sorskij, ihre sogenannten "Schulen" und ihre Stellung im gesellschaftlichen und geistigen Geschehen ihrer Zeit. (Ein Sammelbericht zur Forschung nach 1945) // Zeitschrift für Slavistik, 3 (1958). S. 786-801; Лурье Я.С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV - начала XVI в. М.-Л., 1960; Плигузов А. И. Историографические заметки о «нестяжательстве» // Архив русской истории, 1992, вып. 2. С. 2-33; Курукин И.В. Заметки о «нестяжательстве» и «иосифлянстве». (Историографическая традиция и источники.) // Вопросы источниковедения и историографии истории СССР. Дюоктябрьский период. Москва, 1981. С. 57-76) и ряд совсем недавних работ (Плигузов А.И. Полемика в Русской церкви первой трети XVI столетия. М.: Индрик, 2002; Алексеев А.И. Под знаком конца времени. Очерки русской религиозности конца XIV - начала XVI вв. Спб.: Алетейя, 2002; Романенко Е.В. Нил Сорский и традиции русского монашества. М.: Памятники исторической мысли, 2003; Алексеев А.И. Сочинения Иосифа Волоцкого в контексте полемики 1480 – 1510-х гг. Спб.: Российская национальная библиотека, 2010).

⁵² Auerbach I. Andrej Michajlovič Kurbskij. Leben in osteuropäischen Adelsgesellschaften des 16. Jahrhunderts. München, 1985

⁵³ В частности: Боянівська М. Переписувачі книжок як культурні діячі України. XV - перша половина XVII ст. Львів, 1994; Boianivs'ka M. Preparation and Preservation of Books by Monks of the Orthodox Church of Ukraine (15th - the First Half of the 17th Centuries // La vie quotidienne des moines et chanoines réguliers au Moyen Age et Temps modernes. Sous la dir. de M. Derwich. Wrocław, 1995. P. 753 -757.

Голенченко⁵⁴, В. Е. Земи⁵⁵, Я.Д. Исаевича⁵⁶, В.В. Калугина⁵⁷, И.З. Мицко⁵⁸, Е. Л. Немировского⁵⁹, Н. В. Николаева⁶⁰ и других исследователей. Теперь мы довольно хорошо осведомлены об интеллектуальную жизни и культуртрегерской активности образованного слоя людей той эпохи. Особенно хорошо изучена книгоиздательская деятельность центров второй половины 16-го века. Из того, что мы знаем об этих людях и институтах, можно увидеть, как развивалось конфессиональное православное самосознание данной группы деятелей культуры и предположить, какое воздействие всё это оказало на украинско-белорусское общество. Очень выразительно процессы эволюции конфессионального самосознания отразились в рукописных учительных евангелиях конца 16 – начала 17-го веков⁶¹. В 17-м веке Киево-Могилянская академия, те тенденции, из которых

⁵⁴ Голенченко Г. Я. Идеиные и культурные связи восточнославянских народов в XVI – середине XVII в. Минск, 1989 и др.

⁵⁵ Земи В.Е. Полеміко-догматичні збірки XVI – початку XVII ст. // Український історичний журнал. 2001, № 4, с. 43-74; Земи В.Е. Релігійна культура, перекладацькі практики та напучувальна література Київської Митрополії // Берестейська унія (1596) в історії та історіографії: спроба підсумку. Львів, 2008, с. 308-322)

⁵⁶ Исаевич Я. Д. Першодрукар Иван Федоров і виникнення друкарства на Україні. Львів, 1983; Исаевич Я.Д. Преемники первопечатника. М., 1981; Исаевич Я. Д. Українське книговидання. Витоки. Розвиток. Проблеми. Львів, 2002; Запаско Я.П., Исаевич Я.Д. Пам'ятки книжкового мистецтва. Каталог стародруків, виданих на Україні. Кн. 1. (1574-1700). Львів, 1981

⁵⁷ Калугин В.В. Андрей Курбский и Иван Грозный. (Теоретические взгляды и литературная техника древнерусского писателя). М.: Языки русской культуры, 1998

⁵⁸ Мицко И.З. Острозька слов'яно-греко-латинська Акадэмія (1576-1636). Київ, 1990; Мицко И.З. Дерманский культурно-просветительный центр и его участие в идеологической борьбе на Украине (70-е годы XVI в. - 30-е годы XVII в.) // Федоровские чтения. 1978. М., 1981. С. 47-56; Мицко И. З. Украинский писатель-полемист Василий Суражский - сподвижник Ивана Федорова // Федоровские чтения. 1979. М., 1982.

⁵⁹Немировский Е.Л. Иван Федоров в Белоруссии. М., 1979; Немировский Е.Л. Начало книгопечатания на Украине. Иван Федоров. М., 1974; Немировский Е.Л. Иван Федоров и его эпоха. Энциклопедия. М., 2007.

⁶⁰ Николаев М. Палата книгописная. Рукописная книга на Беларуси у X-XVIII стагоддзях. Минск: Мастацкая літаратура, 1993.

⁶¹ Чуба Г. Українські рукописні учительні Евангелія. Дослідження, каталог, описи. Київ - Львів, "Свічадо", 2011; Чуба Г. Со студий над учительними Евангеліями // До джерел. Збірник наукових праць на пошану Олега Купчинського з нагоди його 70-річчя. Том 2. Київ-Львів, 2004. С. 59-79; Чуба Г. В. До історії екзегемно-гомільйних редакцій Евангелія // Вісник Львівського державного університету. Серія філологічна. В. 26. Львів, 1997; Чуба Г. Текстологическая классификация украинских учительных Евангелий второй половины XVI века. «Славяноведение» 2002, № 2, с. 82 – 96; Корзо М.А.Рукописные Учительные Евангелия из собраний ЛНБ в традиции церковно-учительной литературы Речи Посполитой XVII в. Толкование притчи о богаче и Лазаре // Рукописна Україніка у фондах Львівської Наукової Бібліотеки ім. В. Стефаника НАН України та проблеми створення інформаційного банку даних. Матеріали Міжнародної науково-практичної конференції 20-21 вересня 1996 року. Львів: Львівська наукова Бібліотека ім. В. Стефаника НАН України, 1999. С. 302–309; Дмитриев М. В. Между Римом и Царьградом. С. 57-88; Этим памятникам посвящена, в значительной степени, и оставшаяся мне недоступной диссертация Л.А. Кирилловой (Кириллова Л.А. Православный приход Киевской митрополии во второй половине 16 в. Саратов, 2006).

она выросла, та ученость, которую она породила – всё это достаточно адекватно описывается как поиск новой конфессиональной модели в условиях конкуренции с униатством, католицизмом и протестантизмом⁶². Развитие протонационального самосознания, как видно из недавних исследований⁶³, также испытывало заметное воздействие конфессиональных норм и традиций.

Один из предметов дискуссий и несогласий в среде «церковной интеллигенции» - это вопрос о том, на каких именно основах развивать школьное образование и образование вообще, и данные споры, как кажется, ярко отразили процессы «конфессионализации». Рассмотрев в адекватном контексте источники, отразившие враждебное отношение Ивана Вишенского, Герасима Смотрицкого, протопопа Аввакума и многих других восточнославянских книжников к «грамматике, риторике и силлогизмам», мы пришли к выводу, что такая позиция коррелирует со специфически восточнохристианским учением об интеллектуальной деятельности и путях постижения истины, которое сформировалось под влиянием апофатического стиля богословствования. Соответственно, специфика (по сравнению с Западом и «латинским» миром

⁶² В этом отношении особенно важны исследования М.А. Корзо: Корзо М.А. Украинская и белорусская катехетическая традиция конца XVI – XVIII вв.: становление, эволюция и проблема заимствований. Москва: Канон+, 2007; Корзо М.А. «Prawosławne wyznanie wiary» Piotra Mohyły. Kilka uwag w sprawie wpływów zachodnich na teologię kijowską // Odrodzenie i Reformacja w Polsce. 2002. Vol. XLVI. P. 141-149; Корзо М.А. «Православное исповедание веры» Петра Могилы: к вопросу о западном влиянии на киевское богословие XVII в. // Сравнительная история: методы, задачи, перспективы / Сборник статей под ред. М.Ю.Парамоновой. М.: ИВИ РАН, 2003. С. 33-56

⁶³ Неменский О.Б. История Руси в «Палинодии» Захарии Копыстенского и «Обороне унии» Льва Кревзы // Україна та Росія: проблеми політичних і соціокультурних відносин. Зб. наук. праць. Київ, 2003. С.409 – 434; Неменский О.Б. Воображённые сообщества в «Палинодии» Захарии Копыстенского и «Обороне унии» Льва Кревзы // Белоруссия и Украина: История и культура. Ежегодник, 2005. М., 206; Неменский О.Б. «Русское» и «русскость» в культуре Речи Посполитой конца XVI – первой половины XVII вв. (по материалам полемических сочинений) // Религиозные и этнические традиции в формировании национальных идентичностей в Европе. Средние века – Новое время. Под ред. М.В. Дмитриева. М.: Индрик, 2008; Неменский О.Б. Особенности этнического самосознания Мелетия Смотрицкого // Леў Сапега і яго час. Сб. ст. Гродна, 2007. С.304-309; Неменский О.Б. Формы русской идентичности у Мелетия Смотрицкого // Власть, общество, культура в славянском мире в Средние века. Славяне и их соседи. Вып.12. М., «Индрик», 2008; Неменский О.Б. Об этноконфессиональном самосознании православного и униатского населения Речи Посполитой после Брестской унии // Между Москвой, Варшавой и Киевом. Сб. ст. под ред. О.Б.Неменского. М., 2008. С.105-113; Nemensky O. Discourses of ethno-confessional identity in Peter Movila's circle // Les relations de la Russie avec les Roumains et avec le Sud-Est de l'Europe du XVIIIe au Xxe siècle. Actes du colloque international, Bucarest, le 14 septembre 2010. Textes réunis par E. Siupiu et A. Pippidi. Bucuresti, 2011. P. 67-75; Неменский О.Б. Этноконфессиональная идентичность автора в сочинениях Иоанна Вышенского и Михаила Андреллы Оросвиговского // Православие Украины и Московской Руси в XV – XVII вв. Общее и различное. Под ред. М.В. Дмитриева. М.: Индрик, 2012. **С**

вообще) распространенных в православной культуре Восточной Европы второй половины 16-го и первой половины 17 вв. взглядов на школьное образование передается не противопоставлением «невежества» и «образованности», а типологическими особенностями восточнохристианской гносеологии⁶⁴.

Споры об иконе и иконописи, занявшие большое место в религиозных конфликтах в Московской Руси в XV – XVII вв. ещё одна сторона процесса формирования именно конфессионально-специфического самосознания⁶⁵. Тема иконопочитания в посланиях старца Артемия и в «Списании против люторов» осмысливается в рамках учения о прямой связи между Боговоплощением и феноменом иконы. В этом смысле данные памятники могут быть квалифицированы как памятники, зафиксировавшие один из трендов процесса «построения конфессии»⁶⁶. Более того, идеи и деятельность старца Артемия и тех,

⁶⁴ Дмитриев М.В. Об отношении к «грамматике, риторике и силлогизмам» в православной культуре Восточной Европы на рубеже 16-го и 17-го веков // Образование и школа на Западе и Востоке Европы в раннее новое время. Под ред. Е.С. Токаревой (в печати). Ср.: Успенский Б.А. Отношение к грамматике и риторике в Древней Руси (XVI – XVII вв.) // Успенский Б. А. Избранные труды. Т. 2. Язык и культура. М.: Гнозис, 1994. С. 7-25; Goldblatt H. The Church Slavonic Language Question in the 14th and the 15th Centuries // Aspects of the Slavic Language Question. Vol. 1. Ed. by R. Picchio and H. Goldblatt New-Haven, 1984; Зема В.Е. Семіотика "простоти" у творах Іоана Вишенського // Генеза, № 1(5), 1997, с. 183-187; Зема В.Е. Середньовічна традиція слова, мови та книги в творах Іоана Вишенського // Mediaevalia Ucrainica: ментальність та історія ідей. Київ, "Критика", т. V, 1998, с. 82-92.

⁶⁵ Очень важны в этом отношении давняя статья Г. Острогорского (Острогорский Г. А. Гносеологические основы византийского спора о святых иконах // *Seminarium Kondakovianum*. II. (Praha. 1928). С. 47–51) и сравнительно недавняя статья К. Онаша (Onash K. *Intellectualität und Spiritualität // Il battesimo delle terre russe. Bilancio di un millennio. A cura di S. Gracioti. Firenze: Leo S. Olschki Editore, 1996. P. 133-142*). Конфликт разных подходов к иконописи на Руси 15-17 вв. ярко и адекватно отразил «вызовы конфессионализации» (см., в частности, Lilienfeld F.v. *Das Problem der Ikonographie, der Ikonentheologie und der Ikonenverehrung bei Erzbischof Gennadij von Novgorod und Josif von Volokolamsk vor 1490. Ein Beitrag zur Entwirrung des Rätsels um die sogenannte "Häresie" der Judaizierenden* // *Forschungen sur Osteuropäischen Geschichte*, 38 (1986), S. 110-130; ГОЛЕЙЗОВСКИЙ Н. К. «Послание иконописцу» и отголоски исихазма в русской живописи. *Византийский временник* 26 (1965): 219–238; Андреев Н.Е. Инок Зиновий Отенский об иконопочитании и иконописании // *Seminarium Kondakovianum*, VIII (1936), Praha, p. 259-278 (Переиздано: Andrejev N. *Studies in Muscovy. London, 1970*); Андреев Н.Е. О деле дьяка Висковатого // *Seminarium Kondakovianum*, V (1932), Praha. С. 191-241; Успенский Л. Роль Московских соборов XVI века в церковном искусстве // *Вестник Русского Западно-Европейского патриаршего Экзархата. Mésager de l'exarchat du patriarche russe en Europe Occidentale* 16 (1968) N 64, Octobre-décembre, p. 217-250; Miller D. B. *The Viskovatyi affaire of 1553-1554: Official Art, the Emergence of Autocracy, and the Desintegration of Medieval Russian Culture // Russian History*, VIII (1981). № 3. P. 292-332; Riabouchinsky V. P. *Un tournant dans le développement de l'iconographie russe au XVIe siècle: l'affaire du diak Viskovatov // Russie et Chrétienté. 1948. N 3-4. P. 1-16*).

⁶⁶ Дмитриев М.В. Тема иконопочитания в посланиях старца Артемия и в «Послании против люторов» (в контексте процессов «православной конфессионализации») // *Православие Украины и Московской Руси в XV – XVII вв. Общее и различное. Под ред. М.В. Дмитриева. М.: Индрик, 2012. С. 40-57; ср. статьи А. Кризы (Исихазм и иконопочитание. Анагогическая функция иконы в богословских трудах Московской Руси и Киевской митрополии в XV-XVI*

кто принадлежал к тому же интеллектуальному тренду, вполне соответствуют критериям и «православного конфессионализма» (в смысле *Konfessionsbildung*), и «православной конфессионализации»⁶⁷.

Украинско-белорусские православные братства в определенный период их истории (середина 1580-х – 1610-е годы) также предстают как институты, порожденные специфически православным пониманием роли мирян в церкви, и поэтому у нас есть основания видеть и в них выражение усиления собственно православных начал в украинско-белорусской культуре того времени⁶⁸.

вв) и О.В. Чумичевой (Киев и Москва в борьбе с протестантским влиянием: две книги в защиту иконного образа (конец XVI - первая половина XVII в.) в том же сборнике (С. 14-39, 58-69).

⁶⁷ Проблема отражения конфессиональной специфики православных традиций в посланиях старца Артемия довольно подробно рассмотрена в неопубликованной части нашей диссертации (Дмитриев М. Киевская митрополия во второй половине XVI в. и генезис Брестской церковной унии 1595-1596 гг. Диссертация, представленная на соискание учёной степени доктора исторических наук. Москва: МГУ, 2001. Т. 1. Глава 4). См. также: Дмитриев М.В. Исторические предпосылки и генезис Брестской унии: факты и интерпретации // *Die Union von Brest (1596) in Geschichte und Geschichtsschreibung: Versuch einer Zwischenbilanz*. Herausgegeben von I. Marte und O. Turij. Lviv, 2008. С. 95-115 (перевод на немецкий: *Historische Voraussetzungen und die Genese der Union von Brest: Fakten und Deutungen // Ostkirchliche Studien*, 56 (2007), Heft 2. S. 322-342. Для понимания конфессионально-специфических аспектов посланий Артемия очень важна упомянутая выше книга Г. Шульца (Schulz G. *Die theologiegeschichtliche Stellung des Starzen Artemij*, сноска 50). См. Также: Mainka R.M. *Der Konflikt des Starzen Artemij mit der Russischen-orthodoxen Kirche*, in : *Ostkirchliche Studien*, 15 (1966) Heft 2/3. S. 3-34, 113-129; Mainka R.M. *Des Starzen Artemij Polemik gegen die Zehn Gebote: aus der Auseinandersetzung der Russischen orthodoxen Kirche mit den Lutheranern Litauens im 16. Jh.* // *Ostkirchliche Studien*, 13 (1964), p.123-152 Dmitriev M. *Dissidents russes. II. Matvej Baskin, le starec Artemij*. Baden-Baden: V. Koerner-Verlag, 1999 (=Bibliotheca dissidentium. Répertoire des non-conformistes religieux des seizième et dix-septième siècles. Ed. par A. Séguenny. Т. XX); Калугин В.В. Артемий // *Православная энциклопедия*. Том 3. Анфимий – Афанасий. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2001. С. 458-462. Артемий был «нестяжателем» середины XVI века, однако о том, что представляло собой «нестяжательство» этого периода мы по-прежнему очень мало знаем (в отличие от накопленных знаний о «нестяжательстве» начала XVI века). Некоторые наблюдения на этот счет есть в книге П. Бушковича (Bushkovitch P. *Religion and Society in Russia. The 16th and 17th Centuries*. New York - Oxford, 1992).

⁶⁸ Обоснование тезиса о братствах конца 16-го века как одном из аспектов «православной конфессионализации»: Дмитриев М.В. Церковные братства Киевской митрополии в конце XVI в.: результат «православной конфессионализации»? // *Сравнительная история: методы, задачи, перспективы*. Сб. статей. / Отв. ред. М.Ю. Парамонова. Москва, 2003. С. 133-153 (французская версия статьи: Dmitriev M. *Les confréries de Ruthénie dans la deuxième moitié du XVIe siècle - une "Réforme orthodoxe"?* // *Être catholique, être orthodoxe, être protestant. Confessions et identités culturelles en Europe médiévale et moderne*. Etudes réunies et publiées par Marek Derwich et Mikhaïl V. Dmitriev. Wrocław: LARHCOR, 2003. P. 208-220). Ср. Исаевич Я. Д. Братства та їх роль в розвитку української культури XVI - XVIII ст. Київ, 1966 (см. важную рецензию Ю. Бардаха на книгу Я.Д. Исаевича: Bardach J. *Bractwa cerkiewne na ziemiach ruskich Rzeczypospolitej XVI - XVII w.* // *Kwartlanik historyczny*, 74 (1967). S. 77-82); Isaievych Ia. *Voluntary Brotherhood. Confraternities of Laymen in Early Modern Ukraine*. Edmonton-Toronto: CIUS, 2006; Капраль М. *Істориографія Львівського Успенського братства* // *Україна в минулому*. Вип. 1. Київ-Львів, 1992. С. 54-71; Лукашова С.С. Миряне и церковь: религиозные братства Киевской митрополии в конце 16 века.

Среди вопросов, которые могут возникнуть при разработке проблематики «православной конфессионализации», есть и вопрос о том, какую роль конфессиональная специфика византийско-православных традиций сыграла (или – могла, предположительно, сыграть) в сближении элит украинско-белорусской (Западной и Юго-Западной) Руси и элит Московского царства в конце 16 – начале 17-го века. При этом нужно иметь в виду, что речь не идет о традиционной теме «русско-украинско-белорусских культурных связей», о «православной солидарности в борьбе с католической экспансией», политических комбинациях, вызванных к жизни Брестской унией, а о появлении в украинско-белорусской православной культуре сначала темы «православного царства» в её имплицитном противостоянии теме «иноверного католического правления», а потом и действий, которые так или иначе подготавливали почву для кардинально новой политической ориентации после 1648 года

Почва для такой постановки проблемы подготовлена ещё дореволюционными работами о связях Киевской митрополии и Московского патриархата⁶⁹. Во второй половине 20-го века в изучении этой же темы было

Москва: Исл РАН, 2006; Тимошенко Л. Ставропігія церковних братств у контексті Берестейської унії. Історіографічний аспект // *Confraternitas*. Ювілейний збірник на пошану Ярослава Ісаєвича. Львів, 2006-2007. С. 250-267; Тимошенко Л. В. Ставропігія церковних братств і генеза Берестейської унії // *Kościół wschodnie w Rzeczypospolitej XVI-XVIII wieku. Zbiór studiów*. Lublin, 2005. S. 237-250; Тимошенко Л. В. Князь Василь-Канстанцін Астрожскі і брацкі рух у Києвській мітраполії (апошня трэць XVI – пачатак XVII ст.) // Исследования по истории Восточной Европы / Научный сборник / Государственное учреждение образования «Республиканский институт высшей школы». Вып. 2. Минск: РИВШ, 2009. С. 186-200; Тимошенко Л. В. Парафіальне і братське самоврядування Київської митрополії в добу Берестейської унії (друга половина XVI – XVII ст.) // *Urzędy państwowe, organy samorządowe i kościelne oraz ich kancelarie na polsko-ruskim pograniczu kulturowym i etnicznym w okresie od XV do XIX wieku. Materiały polsko-ukraińskiej konferencji naukowej w Okunince koło Włodawy 10-12 września 2007 r.* / Pod. red. H. Gmiterka i J. Łosowskiego. – Kraków: Avalon, 2010. – S. 321-345; Тимошенко Л. В. Єпископська альтернатива ставропігійній реформі церкви (неставропігійні братства Київської митрополії кінця XVI – початку XVII ст.) // *Ранньомодерна Україна: культура вибору versus вибір культури*, Київ, 2012 (в печаті); Тимошенко Л. В. Генеза церковних братств та початковий етап мирянського руху в Київській митрополії в XVI ст. (історіографічна традиція і спроби новітнього осмислення проблеми) // *Науковий збірник, присвячений проф. М. Г. Крикуну*. Львів, 2012 (в печаті); Шустова Ю.Э. Документы Львовского Успенского Ставропигийского братства (1586-1788): источниковедческое исследование. М., 2009; Шустова Ю. Э. Взаимоотношения Львовского Успенского братства с властными структурами Речи Посполитой в конце XVI - XVIII веках // *Историко-филологический вестник Украинского института*. М., 1997. Т. 1. С. 125-131; Шустова Ю.Э. Типология происхождения братств Украины // *Историко-филологический вестник Украинского института*. М., 1997. Т. 1. С.113-116; Lorens B. Bractwa cerkiewne w eparchii przemyskiej w XVII i XVIII wieku. Rzeszow. 2005; Mironowicz A. Bractwa cerkiewne w Rzeczypospolitej. Białystok, 2003.

⁶⁹ Эйнгорн В.О. Очерки из истории Малороссии в XVII в. I. Сношения малороссийского духовенства с московским правительством в царствовании Алексея Михайловича. Москва, 1899; Харлампович К. В. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Т. I. Казань, 1914.

сделано особенно много. После 1991 года тема зазвучала с новой силой в украинской историографии⁷⁰ и стала предметом особенно внимательного рассмотрения в исследованиях С.Н. Плохия⁷¹, В. Горобца⁷², Т. Ходаны⁷³. Однако все они, во-первых, очень бегло трактуют перемены во взгляде верхов (особенно – церковных верхов) украинско-белорусского общества на Россию в конце XVI-го века – начале XVII вв.; во-вторых, не обращают должного внимания на связь между эволюцией дискурсов православного самосознания и всё более частым обращением к России и русским царям.

Тут необходимо подчеркнуть, что среди имплицитных особенностей византийско-православных традиций есть и особые представления о связи церковности и государственности, церкви и государства, православия и монархии – всё то, что так или иначе связано с нормативным учением о *симфонии* и воплощением этого в жизни византийского и других православных общества⁷⁴. В связи с этим можно и нужно проверить стоящую за поставленным выше вопросом гипотезу о том, что именно эти особые и специфически православные представления о необходимом и неразрывном (необходимом и неразрывным – с религиозной, конфессионально-нормативной точки зрения) единстве православной церкви и православного царства стали существенным фактором в развитии контактов верхов православного общества Речи Посполитой с Россией⁷⁵. Суть гипотезы в том, что наши источники позволяют

⁷⁰ См. например: Україна та Росія: проблеми політичних і соціокультурних відносин. Під ред. В.А.Смоля. Київ, 2003.

⁷¹ Ploky S. The Cossacks and Religion in Early Modern Ukraine. Oxford University Press, 2001 (укр. перевод: Плохій Сергій. Наливайкова віра: Козацтво та релігія в ранньомодерній Україні. Київ, 2005); Ploky S. The Origins of the Slavic Nations. Premodern Identities in Russia, Ukraine, and Belarus. Cambridge Univ. Press, 2006

⁷² Горобець Віктор. Волимо царя східного...Український Гетьманат та російська династія до і після Переяслава. Київ, Критика, 2007

⁷³ Tomasz Hodana. Między królem a carem. Moskwa w oczach prawosławnych Rusinów – obywateli Rzeczypospolitej (na podstawie piśmiennictwa końca XVI– połowy XVII stulecia). (Studia Ruthenica Cracoviensia. T. 4). Kraków: Scriptum, 2008.

⁷⁴ Книга Ж. Дагрона обобщила исследовательский опыт в этой области знаний (Dagron G. Empereur et prêtre. Étude sur le “césaropapisme” byzantin. Paris, Gallimard, 1996 (Bibliothèques des histoires). Недавно появился её русский перевод.

⁷⁵ Эта гипотеза была очень кратко представлена прежде в нашей статье: Дмитриев М.В. От Брестской унии к Переяславской раде: религиозные факторы сближения Украины и России в начале XVII в. // Украина и украинцы: образы, представления, стереотипы. Русские и украинцы во взаимном общении и восприятии. Под ред. Е.Ю. Борисенко. М.: Инслав РАН, 2008. С. 308-321. Более подробно она обоснована в статье: Дмитриев М.В. Перемены в конфессиональном самосознании духовенства Киевской митрополии в конце XVI в. как фактор сближение украинско-белорусского общества с Московской Русью // Современные проблемы истории Церкви. Материалы международной научной конференции. Москва, МГУ, 7-8 ноября 2011 года. М., 2012 (в печати)

интерпретировать обращения православного духовенства и мирян Киевской митрополии (начиная с посланий Львовского братства 1592 года) за помощью в Москву не только как прагматические шаги, имеющие целью или материальную или политическую поддержку, но и как отражение идеологического тренда (дискурса), который исходит из постулата об органическом единстве и нераздельности православного священства, «российского рода» (в который авторы посланий в Москву включают и русинов украинско-белорусских земель) и православной государственности. С точки зрения такой идеологии православным как *церковному* сообществу необходим именно православный монарх, потому что, как писал патриарх Антоний в 1389 московскому князю Василию Дмитриевичу, «невозможно христианам иметь церковь, но не иметь царя»⁷⁶. Не исключено, что подчинение католическим королям Речи Посполитой стало осмысливаться как противоречащая самим основам «по-византийски» понятого христианства. Возникновение и развертывание такого идеологического тренда, если его наличие подтвердится новыми исследованиями, можно было бы рассматривать как один из аспектов процессов «православной конфессионализации» в Восточной Европе в XVI веке.

⁷⁶ Грамота патриарха Антония к великому князю Василию Дмитриевичу (1393 г.) // Русская историческая библиотека. РИБ. Т. VI. Памятники древнерусского канонического права. Изд. А. С. Павловым. СПб., 1908. стб. 275.